

Проблема недеяния в визионерской эстетике

Описывая свои визионерские переживания в эссе «Двери восприятия», Олдос Хаксли специально акцентирует их недейтельный аспект, несопоставимость с волей к действию. «Визионер может обнаружить, что большинство причин, по которым он обычно готов был действовать и страдать, глубоко неинтересны. *Его нельзя ими беспокоить, поскольку есть нечто лучшее, о чем ему можно думать*» [Хаксли О. Двери восприятия // www.lib.ru/philosophy/huxley/doors.htm]

В эссе «Рай и ад», продолжении «Дверей восприятия», Хаксли развивает эту проблематику, иллюстрирует этот характерный признак визионерского переживания примерами из истории культуры, представляя проблему недеяния в визионерской эстетике.

«Давайте начнем с подобных человеку, или скорее с более чем подобных человеку», обитателей «страны антиподов разума» - говорит Хаксли. «Блейк называл их Херувимами, и, в сущности, это то, чем они, без сомнения, являются - психологическими оригиналами тех существ, которые в теологии любой религии служат посредниками между человеком и Чистым Светом. Более чем подобные человеку персонажи визионерского переживания никогда *"ничего не делают"*. (Сходным образом никогда *"ничего не делают"* блаженные на Небесах.) Они удовлетворены просто тем, что *существуют*».

«Под множеством имен и в бесконечном разнообразии нарядов эти героические личности из визионерского переживания человека появляются в религиозном искусстве всех культур. Иногда они показываются отдыхающими, иногда - в исторических или мифологических деяниях». «Но деяния», - указывает Хаксли, «*противоестественны* обитателям страны антиподов разума. Быть занятым - закон нашего бытия. Закон их бытия - *ничего не делать*. Когда мы вынуждаем этих безмятежных чужестранцев играть какую-то роль в одной из наших чересчур человеческих драм, мы лжем визионерской истине. Вот почему наиболее восхищающими (хотя не обязательно самыми прекрасными) изображениями Херувимов являются те, что показывают их такими, какими они живут у себя на родине - в частности, ничего не делающими».

И именно этим по мнению Хаксли «объясняется ошеломляющее, более чем чисто эстетическое, впечатление, производимое на зрителя великими шедеврами религиозного искусства. Скульптурные фигуры египетских богов и богов-царей, Богоматери и Вседержители византийских мозаик, бодхисаттвы и лоханы в Китае, сидящие Будды кхмеров, копанские стеллы и изваяния, деревянные идолы тропической Африки - все они имеют одну общую черту: глубокую *неподвижность*. И именно это придает им мистическое свойство, способность *переносить* созерцателя из Старого Мира повседневного переживания далеко-далеко, в визионерскую страну антиподов человеческой души».

В то же время Хаксли утверждает, что «...конечно же, статическому искусству не присуще что-либо внутренне превосходное. Будь то статическое или динамическое, плохое произведение искусства всегда есть лишь плохое произведение искусства. Я лишь хочу намекнуть на то, что - при прочих равных условиях - героическая личность в состоянии покоя обладает *большей* восхищающей силой, чем показанная в действии» [Хаксли О. Врата восприятия // Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995. С. 327].

Рассматриваемый принцип недеяния в визионерской эстетике может быть также представлен на примере живописи Яна Вермеера Дельфтского (1632-1675). «Лиризм Вермеера, поэзия его образов и сам изобразительный строй его обычно небольших по размерам работ - несравненно *более высокого* плана, нежели у других голландских жанристов» [Всеобщая история искусств. М., 1963. Т. 4. С.173-174].

Как указывает Хаксли в «Дверях восприятия», Вермеер, рисуя девушек, «...настаивал на том, чтобы они оставались девушками до самого предела - но всегда с оговоркой, что они будут удерживаться от девчачьего поведения. Они могли сидеть или спокойно стоять, но

никак не хихикать, никак не смущаться, не читать молитв или томиться по своим отсутствующим возлюбленным, не сплетничать, не смотреть завистливо на детишек других женщин, не флиртовать, не любить, не ненавидеть и не работать. При совершении любого из этих действий они, без сомнения, стали бы более интенсивно самими собой, но по этой же причине *прекратили* бы проявлять свои *божественные сущностные Не-Я*. А «в человеческих существах оно было видимо только когда те находились в *покое* - их умы *непотревожены*, их тела *неподвижны*. В этих обстоятельствах Вермеер мог видеть Таковость во всей ее небесной красоте - мог видеть и, в какой-то малой мере, мог передать ее в тонком и пышном натюрморте». Как указывается во Всеобщей истории искусств, ««В основе изобразительного строя его произведений заложено присущее Вермееру.... чувство высшей упорядоченности всех элементов художественного образа, которая прежде была достоянием только образов идеального характера и лишь у Вермеера оказалась формой воплощения реальной действительности» [Там же].

Таким образом, рассмотренный принцип недеяния может быть представлен как в качестве значимого явления визионерской эстетики, так и в целом, в качестве характерного признака визионерского переживания в философских эссе О. Хаксли.